

КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ

Каждое мгновение той работы, которая называется воспитанием, — это творение будущего и взгляд в будущее.

В. Сухомлинский

Василий
Сухомлинский
Рождение гражданина

Культурный слой

Василий Сухомлинский

Рождение гражданина

«Алисторус»

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Сухомлинский В. А.

Рождение гражданина / В. А. Сухомлинский — «Алисторус»,
— (Культурный слой)

ISBN 978-5-00222-038-0

Имя Василия Сухомлинского широко известно не только в России, но и за рубежом. Один из крупнейших советских педагогов, коммунист и теоретик искусства — именно он стал создателем той позднесоветской школы 1970-1980-х годов, которую теперь так часто вспоминают, называя потерянным педагогическим раем. Тонкий гуманизм Сухомлинского, тактичность, глубокая Вера в доброе начало, живущее в каждом человеке, — нашли признание во всём мире. В книге «Рождение гражданина» великий педагог подводит итоги всех прочих своих работ. Здесь он выстраивает целостную систему воспитания, которая и составила в итоге основу советской школы. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-00222-038-0

© Сухомлинский В. А.
© Алисторус

Содержание

Что происходит с ребёнком в отрочестве	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Василий Сухомлинский

Рождение гражданина

© Сухомлинский В. А., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Что происходит с ребёнком в отрочестве «Словно кто новую душу вдохнул в мальчика...»

Подростки... Сколько тревог переживают матери и педагоги, произнося это слово! Сколько книг написано о таинственной душе подростка, сколько диссертаций об отрочестве стоит на библиотечных полках! Я прислушивался к тревогам и заботам учителей, присматривался к тем подросткам, которых знал маленькими детьми. Читал и перечитывал книги о подростках. С годами в моей библиотеке накопились десятки тетрадей и блокнотов, каждый из них был своеобразной летописью жизни маленького гражданина, его судьбы, – от первых дней пребывания в школе до зрелости, часто до того волнующего дня, когда тот, кто был озорником, сорвиголовой, приводит в школу сына или дочку и говорит: «Принимайте, это я в иной форме... А содержание, наверное, то же самое». Более всего заботили и волновали проблемы духовной жизни человека в период отрочества.

Многолетние наблюдения над жизнью и работой школьных коллективов приводили к выводу: в подростковом возрасте совершаются настолько глубокие изменения в духовной жизни человека, что много фактов его познания, умственного труда, поведения, взаимоотношений с товарищами, эмоционального, эстетического и морального развития кажутся воспитателю непостижимыми и таинственными. Опытные педагоги нередко жалуются: трудно работать с подростками, что-то таинственное, непонятное происходит с ними. В третьем-четвертом классах мальчик – лучшего не нужно: спокойный, уравновешенный, внимательный, предупредительный, чуткий, способный переживать высокие, благородные чувства, доступные человеку в этом возрасте, а уже в пятом, особенно в шестом-седьмом классах – кажется, это уже не он: своевольный, невыдержанный, нередко грубый и дерзкий, болезненно самолюбивый, нетерпимый как к требованиям учителя, так и к слабостям товарищей, резкий и прямолинейный в суждениях об окружающем мире, особенно о поведении старших. Порой в глаза бросается вот что: чувства, которые волнуют душу в детстве, со временем будто совсем не могут овладеть ею. Если прежде, бывало, горе близкого или незнакомого человека вызывало в детском сердце глубокие переживания, то подросток иногда может и не заметить людского горя.

«Словно кто новую душу вдохнул в мальчика, – рассказывает на заседании педагогического совета классный руководитель шестиклассника Виталия. (А я слушаю и думаю: «Неужели через два-три года такими станут Витя Безверхий или Володя Бескровный? Ведь в третьем-четвертом классах Виталий был образцовым в учении и поведении.)

– А теперь, – продолжает свой рассказ классный руководитель, – закончилась четверть... Провожу родительское собрание, говорю об успеваемости. Решил рассказать о недисциплинированности Виталия. Думал: присутствие родителей повлияет на мальчика. Рассказываю, а одним глазом смотрю на Виталия. Сидит неподвижно, ни черточки тревоги или раскаяния. Вдруг вижу: раскрывает учебник по моему предмету, берет карандаш и что-то рисует на титульном листе. В глазах – огоньки злорадства. А сидит он на последней парте, никто не видит, что он делает. У меня в груди запекло. Что делать? Знаю, нельзя тут, перед родителями, начинать разговор об этой новой выходке. Боюсь, вспыхнет парнишка. Чувствую, он только и ждет моего обращения к нему. Это он специально портит учебник по моему предмету... чтобы досадить мне. Перевожу разговор на другое, а в памяти всплывает конфликт, который произошел с ним же, Виталием, несколько дней назад. Была политинформация. Комсомолка-десятиклассница рассказывала о жизни в нашей стране и за рубежом. Речь зашла о самоотверженном труде колхозниц соседнего колхоза. Женщины вырастили высокий урожай сахарной свеклы. Честь и слава людям, которые работают по-коммунистически!

Виталий поднял руку:

– Хочу сказать слово.

– Говори, – разрешил я.

– Моя мама месяц сидела на земле, очищая свеклу, – взволнованно произнес Виталий. – Заболела, теперь в больнице лежит. Почему тяжелую работу дают женщинам?

– Ты думаешь, о чем говоришь? – рассердился я. – Какой же ты пионер?

– А какой же вы учитель? – тихо, дрожащим голосом сказал Виталий. – Разве можно человеку месяц целый сидеть на сырой земле? Вы же учите бороться за правду.

– Ошеломили меня эти слова Виталия, – закончил свой рассказ классный руководитель. – Что это – демагогия или жажда истины? Может, мы слишком много даем нашим подросткам и мало требуем от них? Может, в наше время душа человека, перед которой открывается мир, отличается какими-то особенностями, неизвестными нам? Может, подросткам открываются некоторые грани мира не такими, как открываются они нам. Что делать, чтобы отдельные недостатки нашей жизни не воспринимались так болезненно?

Был горячий, откровенный разговор, в котором родилась истина, взволновавшая весь наш педагогический коллектив: да, мы иногда забываем о некоторых вещах, часто мы не стремимся смотреть на мир глазами тех, кого мы воспитываем, бывает, допускаем удивительную и непростительную противоречивость – учим своих воспитанников быть правдивыми, говорить правду и только правду и одновременно пытаемся погасить горячий порыв молодой души, вызванный непримиримостью к несправедливости.

Подросток в отличие от ребенка начинает обобщать как добро, так и зло; в отдельных фактах он видит явление, и от того, какие мысли, настроения порождает в его душе это явление, зависят его убеждения, взгляды на мир, мысли о людях. Да, годы отрочества и отличаются от детства тем, что человек в этом возрасте видит, чувствует, переживает не так, как видел, чувствовал и переживал в детские годы. Я много думал: чем отличается видение мира подростком от видения мира ребенком? Пытался поставить себя на место своих воспитанников. Вел педагогические наблюдения, записывая в отдельную тетрадь. В ней был специальный раздел «Я глазами подростка». Мысленно я поставил себя на место того же Виталия, рассматривал, оценивал свои поступки с его точки зрения; пытался убедить себя, что я – это какой-то человек, с которым мой внимательный, пытливый, уравновешенный, требовательный воспитанник – этот невыдержанный, своевольный, наглый подросток – встречается словно бы впервые. Теперь, когда прошло много лет, перечитывая этот необычный дневник, я вновь переживаю то самое чувство удивления, которое переживал тогда. Удивительная, непонятная вещь: мой требовательный, наглый, непокорный, резкий и прямолинейный в суждениях подросток замечал во мне недостатков в сто раз больше, чем мог даже подумать о себе я. Не могу удержаться, чтобы не привести несколько записей из этого документа, который, возможно, вызовет у некоторых моих коллег-педагогов снисходительную улыбку.

«Учитель мой страдает «толстокожестью» при восприятии явления окружающего мира. На его глазах мальчик обидел девочку. Он смотрит на обидчика спокойно, равнодушно. Он говорит девочке: «Придется поговорить с обидчиком. Поговорю завтра. Пусть он повторит слова, которыми тебя обидел». Проходит день, второй, учитель где-то в глубине сознания хранит мысль о том, что с обидчиком нужно поговорить... но это только ленивая, как сонный кот, мысль. А обидчик в это время говорит девочке: «Ничего мне не будет. Учителя забывают о поступках своих воспитанников. Надоедает им, учителям, возиться с ними...». «Мой учитель неделю назад положил на стол книжку, которую ему нужно прочитать. Каждый раз, садясь за стол, он поглядывает на книжку и принимается за что-то другое. А вчера поставил ее на полку». «У моего учителя в сердце льдинка. После лекции, которую он читал животноводам, один колхозник рассказал ему о своем изобретении. Уже больше года думает он над тем, как облегчить труд – механизировать уборку навоза без строительства крупных и дорогих сооружений. Завтра учитель собирается в район-рассказать в партийном комитете о ценном изобре-

тении. Пусть приедут инженеры, помогут человеку воплотить идею в несложные механизмы. Прошел день, второй, три дня. Горячее желание поехать в район остыло. Через неделю он случайно встретился с секретарем райкома. Да, он говорит об интересной идее изобретателя. Но как говорит? Вместо страстного, взволнованного рассказа – мягкая, тягучая жвачка: неплохо было бы сделать вот так, хорошо было бы подумать об облегчении труда животноводов...»

В дневнике наблюдений над трудными подростками – тоже странные вещи. Это не регистрация поступков. Это мир, каким его видят подростки. Я представлял себя на месте этих мальчиков и девочек, смотрел на мир их глазами. На каждом шагу видел удивительные, порой непонятные вещи, которые вызывали удивление, нередко – гнев, возмущение. Подросток видит то, чего еще не видит ребенок; он же видит то, что часто уже не видит, вернее, не замечает взрослый, потому что многие вещи становятся для него более чем привычными. Видение мира у подростка – единственное в своем роде, уникальное, неповторимое состояние человека, которое мы, взрослые, часто совсем не понимаем, мимо которого проходим невозмутимо. Подросток принимает близко к сердцу то, что видит. Вот на яблоне листе гусеница. Он задумывается: почему это в школьном (или колхозном) саду много гусениц? Что будет, если вредителей не уничтожить? Почему никто не обращает внимания на то, что гусеницы уничтожают материальные ценности? В зависимости от того, в каких условиях воспитывается подросток, какими источниками познания, мышления, видения мира питались его мысли и чувства в детские годы, его или возмущает зло, которое творится на его глазах, и радуется добро, или же он равнодушен и к злу и к добру. Нелегкие размышления над острыми, жгучими проблемами воспитания привели меня на тридцать четвертом году педагогической работы к выводу: трудность воспитания в подростковом возрасте состоит как раз в том, что ребенка мало учат видеть, понимать, ощущать самого себя как частицу коллектива, общества, народа.

Почему так часто приходится слышать: школьник в детстве был хороший, а в годы отрочества попал под плохое влияние и стал плохим человеком? Что это такое – плохое влияние? Откуда оно берется? Основой, главным в воспитательной работе является не то, чтобы оберегать подростков от дурного влияния, а то, чтобы сделать их невосприимчивыми к чему-либо дурному, аморальному. Как это сделать? В этом как – мастерство и искусство воспитания. Четыре года хвалила – не могла нахвалиться своими детьми учительница начальных классов. Минули год-полтора, и она со слезами рассказала о своих воспитанниках, теперь уже шестиклассниках: у входа в кинотеатр они едва не сбили с ног старую женщину. Слушая горькие слова хорошей, трудолюбивой учительницы, я подумал: ведь и вправду ее воспитанники были добрыми, вежливыми, старательными, выдержанными. И это не были черты, данные природой. Нет, это следствие кропотливой воспитательной работы. Чем же тогда объяснить, что в годы отрочества возникают трудности, присущие только этому возрасту? Возможно, это всего лишь разговоры о трудностях, порожденные старыми взглядами на пору отрочества как на пору неизбежных катастроф? Я начал изучать правонарушения и преступления, совершенные людьми в возрасте от 12 до 30 лет, сначала в масштабе района, потом – области. Факты-вещь беспристрастная; выявилось, что в возрасте от 12 до 15 лет правонарушителей и преступников вдвое больше, чем среди юношей и девушек в возрасте от 15 до 18 лет.

Я изучил материалы следствия по 460 криминальным делам. В каждой семье, которая давала обществу правонарушителя или преступника, что-то было неладно. Иногда родители сами по себе были людьми словно бы и неплохими, но не знали, чем живут их дети. Во многих семьях господствовала духовная убогость человеческих взаимоотношений, а в школах, в классных коллективах, где учились эти подростки, никто не интересовался, каковы их интересы и потребности, в чем они находят радости бытия. Для примера расскажу о трагическом событии, которое произошло в маленьком тихом городке. Четырнадцатилетний подросток катался на коньках. Увидев восьмилетнего мальчика, он подозвал его к себе и сказал: «Катайся вон там – лед хороший, ровный», и показал в сторону проруби. Мальчик попал в прорубь, погиб,

а подросток, покатавшись еще с час, вернулся в город, рассказал товарищам о том, как ему удалось обмануть малыша. Убитые горем родители мальчика спрашивали: «Ты ведь знал, куда посылаешь ребенка, неужели сердце твое не дрогнуло?»

Подросток спокойно ответил: «Я не толкал его в прорубь. Он сам поехал туда. Я только посоветовал ему кататься там – лед там ровный...»

«Почему же ты сразу не прибежал к нам? Мальчика можно было спасти...» На это подросток ответил: «Не мое дело бегать. Каждый за себя отвечает...»

Я разговаривал с подростком, с родителями, учителями, с пионервожатой. Открылась удручающая картина. Ни у родителей, ни у единственного их сына никаких духовных интересов. Мальчик знал только два чувства: удовлетворенность или неудовлетворенность. В семье превыше всего были низшие потребности: хорошо поесть, выспаться. Подросток не знал, что такое радость жажды общения с человеком, ему недоступна была радость творения добра, счастья для других людей. В школе были довольны тем, что мальчик учился без двоек и не проявлял себя как нарушитель дисциплины. Когда я спросил воспитательницу, какие духовные потребности она воспитала или намеревалась воспитать в подростке, она ничего не могла сказать. Не услышал я ни слова в ответ и на вопрос о том, на что отдавались, во имя чего расходвались духовные силы этого человека в годы детства и отрочества. По сути, в школе не думали над главнейшими, коренными вопросами воспитания человека.

Всё зависит от воспитания в детстве

Чем больше я анализировал трудности воспитания в годы отрочества, тем глубже убеждался в истинности простой, но важной закономерности: очень трудно воспитывать подростков там, где слишком легко шло воспитание в детские годы. Я изучил жизнь тех 460 семей, в которых воспитывались подростки, совершившие правонарушения и преступления, и увидел вот какую картину. Чем тяжелее преступление, чем больше в нем бесчеловечности, жестокости, тупости, тем беднее интеллектуальные, эстетические, моральные интересы и потребности семьи. Ни в одной семье подростков, которые совершили преступление или правонарушение, не было семейной библиотеки, хотя бы маленькой. А в семье подростка, о преступлении которого я рассказал, не оказалось ни одной книги, кроме учебников, причем истрепанных, грязных. Во всех 460 семьях я насчитал 786 книг (без школьных учебников), в том числе книжечки-рисунки для дошкольников.

Никто из тех, кто совершил преступление или правонарушение, не мог назвать ни одного произведения симфонической, оперной или камерной музыки. Никто не мог назвать ни одного композитора классика или современника. Всем 460 подросткам было предложено прослушать два музыкальных произведения: «Танец маленьких лебедей» из балета «Лебединое озеро» П. И. Чайковского и «Танец эльфов» Э. Грига. Понимание, ощущение красоты этих произведений является признаком элементарной эстетической культуры подростка. Ни один из этих подростков не мог сказать, какие картины создал композитор музыкальными образами. По глазам подростков я видел: ни у кого из них музыкальная мелодия не пробуждала никаких чувств, не вызывала никаких воспоминаний.

Изучая духовный мир подростков – правонарушителей и преступников, – я заинтересовался и вот каким вопросом: есть ли у подростков безгранично дорогие люди (человек), которым бы они отдали частицу души, в которых видели бы, как в зеркале, свои душевные порывы? Я анализировал, были ли в школе, где учились трудные подростки (вернее, люди с духовно убогим детством и отрочеством), такие взаимоотношения, сутью и содержанием которых является отдача духовных сил, творение счастья одним человеком для другого, тревога одного человека за судьбу другого, постижение умом и особенно сердцем наивысшей человеческой радости – радости того, что я даю счастье другому человеку. И вот тут-то выявилось, что ни в семье, ни

в школе не было этого, наиглавнейшего. Не было именно этого четкого замысла, ясной идеи и цели воспитательной работы, не было того, чтобы уже в детстве каждый человек вкладывал свои силы в другого человека, отдавал богатства своего сердца другому, познавал умом и сердцем (а потому и глубоко переживал, принимал близко к сердцу) тончайшие движения души другого человека – горе, радость, тревогу, отчаяние, печаль, смятение...

Я с тревогой все больше убеждался, что в детские годы у многих – даже у лучших – воспитателей человек (воспитанник) проявляет себя чрезвычайно односторонне: о том, хороший или плохой воспитанник, воспитатель делает вывод только на основе того, как он выполняет нормы и требования порядка: послушный ли, не нарушает ли правил поведения. В послушности и покорности многие воспитатели видят внутреннюю душевную доброту, а это далеко не так. В годы отрочества такого очень бедного выявления человека уже маловато: он жаждет проявить себя в сложной гражданской, общественной активной деятельности. И вот потому, что его не учили вкладывать свои духовные силы в другого человека, потому что он не научился понимать, чувствовать, оценивать самого себя, отдавая свои силы творению добра для другого человека, он в годы отрочества словно перестает замечать, что живет среди людей. У читателя может возникнуть мысль: почему автор исследовал духовную жизнь несовершеннолетних правонарушителей и преступников? Что это дает для выяснения сущности и закономерностей воспитания в годы отрочества? Дело в том, что в правонарушениях и преступлениях ярче всего отражается зависимость следствий от причин. Моей заветной мечтой всегда было, чтобы ни один подросток не стал правонарушителем или преступником. Постепенно становилась ясной суть мифа о фатальной неотвратимости трудностей, присущих отрочеству в силу каких-то врожденных возрастных особенностей, неподвластных воспитанию.

Я все больше убеждался, что моральное лицо подростка зависит от того, как воспитывался человек в годы детства, что заложено в его душу от рождения до 10–11 лет. Природою своею детский возраст не может преподнести родителям и воспитателям тех трудностей, какие преподносит отрочество. Подросток – это, образно говоря, цветок, красота которого зависит от ухода за растением. Заботиться о красоте цветка нужно задолго до того, как он начнет цвести. Растерянность, удивление перед «фатальными», «неотвратимыми» явлениями отрочества похожи на растерянность и удивление садовника, который опустил в землю семя, не зная твердо, какое это семя – розы или чертополоха, а потом через несколько лет пришел любоваться цветком. Смешным казалось бы его удивление, если вместо розы оказался чертополох. И еще смешнее было бы видеть манипуляции садовника, если бы он начал подкрашивать, расписывать цветок чертополоха, пытаться сделать из него цветок розы, если бы он, поливая чертополох духами, пытался придать ему запах розы. А в том, кому дорога красота, такой садовник вызывал бы чувство возмущения. Почему же не вызывает возмущения то, что тысячи подобных садовников, дав жизнь человеку, считают миссию свою завершённой, а что из него, человека, выйдет – пусть об этом позаботится кто-то другой, пусть позаботится природа? Красота цветка не может упасть с неба. Ее нужно создавать годами-растить, оберегать и от жары, и от мороза, заботливо поливать и удобрять землю. В создании самого красивого и самого высокого, что есть на земле, – Человека – несравненно больше однообразного, утомительного, часто неприятного труда, чем труда, который давал бы только удовлетворение. В истине «дети – радость жизни» – глубокий смысл, но и глубокое противоречие. Ребенок сам по себе не может быть источником радости; в человеке, который повторяет отца и мать на новой основе, настоящим источником радости для отца и матери прежде всего является то, что они сумели вложить в него. В любви к детям раскрывается наивысшее человеческое качество – чувство собственного достоинства. Чем ближе к сердцу принимал я тревоги подросткового возраста, тем яснее становилось, что в детские годы не может быть легкого и бесхлопотного воспитания.

В детстве закладывается человеческий корень. Ни одной человеческой черточки природы не отшлифовывает – она только закладывает, а отшлифовывать нам – родителям, педагогам, обществу. Критические явления отрочества – моральные срывы, правонарушения, преступления – все это, если выразить словами Л. Н. Толстого, увеличительное стекло зла. Зла, неприметного для нас, зла на первый взгляд будто невинного, крохотного, а в действительности весьма небезопасного, потому что в сердце человека, который смотрит на мир широко открытыми глазами и не знает, как жить, эти крохотные льдинки становятся огромными глыбами льда. Готовясь к воспитанию малышей в своей Школе под голубым небом, в начальных классах, я с тревогой думал о том времени, когда мои воспитанники приблизятся к границе, где кончается детство и начинается отрочество. Много из того, что я пытался сделать в детские годы моих воспитанников, конечно, не нужно было бы делать, если бы человек всю жизнь оставался ребенком. На горьком опыте своих товарищей, да и на собственном, на многочисленных ошибках я убедился: одна из великих бед школьного воспитания – это забвение того, что ребенок перестанет быть ребенком. Воспитателям нужно иметь в виду, что ребенок когда-то станет мужем, женой, повторит себя в новом человеке. И я имел это в виду, хотя очень редко говорил детям о том, что они будут отцами и матерями. Кто внимательно читал первую книгу моих записок, не мог не заметить, как много делалось в детские годы для того, чтобы сформировать в ребенке тонкость и эмоциональную культуру восприятия окружающего мира – познания людей, способность к переживаниям, эмоциональную чуткость, сердечность и одновременно, параллельно с этим – чувство собственного достоинства, человеческой гордости, неприкосновенности ко всему личному, интимному. Немало делалось для того, чтобы ребенок в коллективе находился во многих трудовых, моральных, интеллектуальных, эстетических отношениях.

Делалось все это не только для сегодняшнего, но и с расчетом на будущее.

Ребенок никогда не бывает преступником, никогда сознательно не идет на преступление (патологические случаи требуют специального изучения), но я старался делать как можно больше для того, чтобы каждый мой воспитанник, став подростком, не позволил себе совершить преступление. В воспитательной работе было много специально созданных, предусмотренных, «построенных» человеческих отношений, которые имели своей целью утвердить в душах воспитанников уважение к человеку как высшей ценности, чтобы с детства человек был другом, товарищем, братом для другого человека. Это, прежде всего, создание ребенком радостей для других людей и переживание личного счастья и гордости в связи с этим. Я добивался того, чтобы сердцу каждого ребенка самым радостным, самым дорогим, самым святым были мать, отец, братья и сестры, друзья. Чтобы ребенок готов был отдать все для блага и радости дорогих ему людей, чтобы эта отдача, созидание было главнейшей духовной потребностью.

Я стремился к тому, чтобы отношения ребенка с другими людьми и дома, и в школе строились на долге и ответственности. Осмысление и переживание ребенком своего долга перед матерью, отцом, учителем – именно с этого должно начинаться познание ребенком мира человека. Во-вторых, создание и сохранение красоты во всех ее многогранных проявлениях. Чем больше в человеке сил и возможностей для активной деятельности, тем более важную роль в формировании его морального облика сыграет созидание красоты, сердечная забота о красоте, особенно в человеческих взаимоотношениях, в служении высоким идеалам, в идейности жизни.

В-третьих, гражданское идеологическое богатство деятельности ребенка в коллективе, взаимоотношений между детьми и другими, нешкольными коллективами. Добиться того, чтобы воспитанника уже в детстве волновало настоящее и будущее Отчизны, – одна из важнейших предпосылок предотвращения моральных срывов в годы отрочества. Гражданские мысли, чувства, тревоги, гражданский долг, гражданская ответственность – это основа чувства человеческого достоинства. Тот, в ком вы сформировали эти качества души, никогда не проявит себя

в чем-то дурном, наоборот – он будет стремиться проявить себя только в добром, достойном наших идей, нашего общества. В-четвертых, культивирование и развитие сочувствия, жалости (не будем бояться этого слова и тех благородных чувств, которые оно несет!) ко всему живому и красивому, развитие сердечной чуткости к прекрасному в природе. Это, наконец, культивирование жалости и к человеку.

Мы твердо помним слова М. Горького: «Жалость унижает человека».

Но в нашем обществе, где нет никаких причин для социального зла и связанных с ним горя, страданий, жалость нужна именно для возвеличивания и моральной поддержки человека. Принижает человека только презрительная жалость.

А когда, жалея, воспитанник жаждет помочь человеку, – такая жалость облагораживает. Нужно уметь жалеть человека. В-пятых, развитие высокой интеллектуальной культуры – мыслей, чувств, переживаний, которые волнуют душу человека, когда он познает окружающий мир, прошлое и настоящее человечества, материальные и духовные богатства Отчизны, душу своего народа, ценности искусства, особенно художественной литературы. Я твердо убежден, что одной из наиглавнейших причин духовной примитивности, эмоциональной убогости, моральной нестойкости отдельных людей в годы отрочества и ранней юности является ограниченность, низкая культура мыслей, неумение находить удовлетворения своих духовных потребностей в книге. Сейчас, когда мы стоим на пороге осуществления всеобщего среднего образования, проблема интеллектуальной культуры рабочего и крестьянина, который будет иметь среднее образование не для поступления в вуз, а для того, чтобы быть настоящим человеком, проблема высокой интеллектуальной культуры приобретает особо важное значение. Молодого человека должна привлекать не рюмка, а книга. Книга является той могучей силой, которая способна одолеть злую силу рюмки – великой беды, которая, словно клещ, присасывается к телу, бедному духовными потребностями и интересами. Ребенок перестает быть ребенком, становится подростком, юношей, невестой, отцом, матерью...

Но было бы очень хорошо, если бы в годы отрочества и ранней юности в людской душе сохранились отдельные детские черты – непосредственность, яркая эмоциональная реакция на события и явления окружающего мира, сердечная чуткость к внутренним душевным движениям людей, с которыми приходится вместе работать, учиться преодолевать трудности.

Я еще не раз буду возвращаться к этой важнейшей проблеме воспитания, сейчас же подчеркиваю лишь ту сторону вопроса, которая связана с сохранением и развитием всего хорошего, приобретенного в детстве. Речь идет о тонкости, сложности духовного мира ребенка. Она не дается природой, она только воспитывается. В первой книге записок много страниц посвящено воспитанию тонкости ощущений: ощущения красоты слова, музыкальной мелодии, художественного образа, ощущения красоты и благородства жизненных явлений или идеи произведения изобразительного искусства, художественной литературы.

Меня очень волновали разговоры родителей и педагогов о том, что в годы отрочества неминуемо огрубление ощущений, какая-то непонятная эмоциональная «толстокожесть»: подросток ломает ветку на дереве и сразу же забывает об этом; с одинаковым равнодушием целит из рогатки в стекла и в воробьев, вырезает на партах свои инициалы и целые афоризмы. Я начал присматриваться к таким подросткам. Оказалось, что все они в детстве принимали участие в воскресниках по древонасаждению, но ни один из них не вырастил дерева, не пережил радости творения красоты. Жизнь убедила: если ребенок не знает труда, одухотворенного идеей творения красоты для людей, его сердцу чужды тонкость, чуткость, восприимчивость к тонким, «нежным» способам влияния на человеческую душу, он огрубляется и воспринимает только примитивные «воспитательные приемы»: окрик, принуждение, наказание. Отсюда грубость, разрушительные инстинкты подростков. Вот почему я старался, чтобы в детские годы мои будущие подростки переживали вдохновение, восхищение красотой, чтобы источником этого чувства был их личный труд. Это была забота (потом я убедился в обоснованности своих

надежд) о чуткости, восприимчивости подростка, юноши, девушки, к слову воспитателя – к его совету, тонкому упреку.

Тонкость и богатство переживаний в детстве (восторг перед красотой, созданной собственными руками, непримиримость к грубости, вульгарности, уничтожению красоты) были основой, на которой строилась эмоциональная культура подростков. Особой моей заботой было то, чтобы детское сердце не огрублялось, не озлоблялось, не делалось холодным, равнодушным и жестоким в результате физических способов «воспитания» – ремнем, подзатыльниками, тумаками. Я всегда убеждал родителей, что физическое наказание – это показатель не только слабости, растерянности, бессилия родителей, но и крайнего педагогического бескультурья. Ремень и тумаки убивают в детском сердце тонкость и чувствительность, утверждают примитивные инстинкты, растлевают человека, одурманивая его ядом лжи, подхалимства. Дети, воспитанные ремнем, делаются бездушными, бессердечными людьми. На своего товарища по школе поднимает руку только тот, кто сам познал и продолжает познавать «прелести» домостроевского воспитания.

Преступления и правонарушения подростков тоже в значительной мере являются следствием «кулачного» воспитания. Ремень и тумаки в воспитании... Стыд и позор нам, педагогам, – стыд и позор потому, что в школу, в это святое место гуманности, добра и правды ребенок нередко боится идти, потому что знает: учитель расскажет отцу о его плохом поведении или неудачах в учебе, а отец будет бить. Это не абстрактная схема, а горькая истина; об этом часто пишут в своих письмах матери и даже сами дети. Записывая в дневник школьника: «Ваш сын не хочет учиться, примите меры», учитель, по сути, часто кладет в ученическую сумку кнут, которым отец стегает своего сына.

Представим себе: идет сложная хирургическая операция, над открытой раной склонился мудрый хирург – и вдруг в операционную врывается мясник с топором за поясом, выхватывает топор и сует его в рану.

Вот такой грязный топор и есть ремень и тумаки в воспитании. Помните, учитель, если я знаю, что отца моего Грицка или Петра бог одарил единственным талантом – родить детей, и при этом вызываю этого мудрого родителя в школу и говорю ему: «Ваш Грицко лодырь, не хочет учиться», тут происходит элементарное – я бью Грицка рукою отца. Унижаю человеческое достоинство. Становлюсь соучастником преступления. Ребенок ненавидит того, кто бьет. Он очень тонко понимает и чувствует, что руку отца направляет учитель. Он начинает ненавидеть отца и учителя, школу и книгу. Я знаю детей, которые не имеют даже представления о том, что человек может бить другого человека. В семьях, где они вырастают, господствуют тонкие духовно-психологические отношения, взаимное доверие между взрослыми и детьми. Эти дети отличаются большой чуткостью к слову воспитателя.

Моим идеалом всегда было то, чтобы никто из детей не знал, что такое физические способы «воспитания». Уже в Школе под голубым небом мне удалось добиться того, что никто из родителей никогда не бил моих воспитанников. Я верю в то, что вырастут поколения, сердца которых будут болезненно сжиматься при чтении книг о прошлом, в которых есть воспоминания о том, как человек когда-то бил человека. Когда исчезнет насилие человека над человеком в сложнейшей сфере в быту, в семье, когда дети будут воспитываться без физических наказаний, облегчится достижение великой цели – идеала коммунистического воспитания, тогда в обществе не будет преступлений, не будет убийств, исчезнет необходимость в тюрьмах и других наказаниях, которые сейчас необходимы.

Пусть не поймет меня читатель так, будто я проповедую абстрактную доброту и всепрощение. Речь идет о воспитании ребенка в обществе, которое строит коммунизм. Мир социализма не только живет один на один с миром капитализма, где господствуют жестокие законы человеконенавистничества, но и пребывает в постоянном идейном, духовном, моральном единборстве с этим миром насилия и порабощения; дети наши должны быть готовыми ко всему:

и к тому, чтобы встретиться с врагами на поле боя, и к тому, чтобы переносить испытания нелегкой борьбы.

Коммунистическое воспитание не может разнеживать и расслаблять душу гражданина нашего общества. Наоборот, оно должно закалять человека физически и духовно. Мы должны учить не только любить, но и ненавидеть, учить быть не только чувствительными, но и беспощадными. Не только любоваться красотой, не только создавать красоту, но и стрелять во врага, который посягнет на свободу и независимость нашей Отчизны. По-настоящему ненавидеть врага и быть беспощадным с ним может только человек большого духовного благородства. Некоторые педагоги спрашивают: «Чем же заменить наказание?» Так вопрос ставить нельзя. Это все равно что спросить: «Чем заменить насилие человека над человеком?» Наказание не является чем-то неотвратимым.

Необходимость в наказании не возникает там, где господствует дух взаимного доверия и теплоты, где ребенок с малости тонко чувствует рядом с собою человека – с его мыслями и переживаниями, радостями и горем; где с первых шагов своей сознательной жизни ребенок учится управлять своими желаниями. Высокая культура желаний личности – это неременная предпосылка того, чтобы необходимость в наказаниях вообще не возникала.

Два источника воспитания в детстве и отрочестве

Учителей это событие ошеломило: Коля З., один из тихих, скромных, воспитанных, как считали все, подростков, гордость учителя литературы (он писал прекрасные сочинения), вдруг совершил позорный поступок: ночью открыл окно в физическом кабинете, влез туда и вытащил из магнитофона электромотор, сломав при этом некоторые детали. Семья считалась порядочной. Отец работник одного завода, хороший семьянин. Все припомнили его умные, поучительные выступления на родительских собраниях. «Если отец и мать любят труд, – часто говорил он, – то уже этим, даже когда они не говорят ни слова, семья воспитывает в детях трудолюбие». И вдруг такой огорчительный случай. Это произошло через несколько лет после войны.

Физкабинет еще только создавался, магнитофон – подарок офицера, бывшего воспитанника школы – был гордостью коллектива. «Откуда в человеке берется дурное?» – думали учителя. Начались размышления о сложном процессе воспитания моральных убеждений и привычек. Присмотрелись внимательнее к семье З., и учителям открылись неприметные на первый взгляд, но очень тревожные вещи.

С работы отец каждый день приносил какую-нибудь мелочь: то отрезки проволоки, то металлические пластинки, то трубку, то подшипник. Сын помогал отцу раскладывать эти мелочи по многочисленным полочкам домашней мастерской. Никогда сын не спрашивал, откуда это все берется, – было ясно само собой. Отец не считал это позорным; он даже не думал о том, что его поступки могут пагубно влиять на сына. У соседа отец не взял бы никогда и гвоздика – это он считал воровством. Мы сказали отцу горькие слова, припомнили его поучения о личном примере родителей. Это событие заставило задуматься над двумя источниками морального воспитания. Прежде всего – заранее предусмотренная воспитательная работа: многогранные моральные, трудовые, творческие, гражданско-политические взаимоотношения в коллективе, специально созданные для того, чтобы воспитывать; слово воспитателя; передача молодому поколению ценностей, созданных, добытых, завоеванных старшими поколениями.

Это все то, что планируется, предусматривается воспитателем. Но есть и другой, не менее важный источник воспитания. В детстве он играет исключительно важную роль. Это сложные отношения, которые окружают ребенка. Они являются для него средой, которая дает наглядные уроки, раскрывающие содержание моральных понятий. Эти отношения никем не мыслятся как специальный способ воспитания; но чем меньше думают о них взрослые как о силе,

воздействующей на духовный мир ребенка, тем больше она, эта сила, воспитывает. Тут еще раз нужно подчеркнуть слово «отношения», потому что во всем, что окружает ребенка (не только люди, но и вещи, явления), он видит материализованные человеческие взгляды, суждения, привычки, намерения. Воспитатель группы продленного дня ведет детей в школьную столовую. Конечно, он не забывает о том, чтобы во время обеда дети соблюдали правила культурного поведения, чтобы, удовлетворяя свои потребности, закрепляли моральные, эстетические, бытовые привычки. Но он ведет детей в столовую не для того, чтобы воспитывать их, а для того, чтобы накормить. Это первая и главная цель.

В столовой ребенок не только ест, но и видит. Видит и хорошее и плохое. Вот семиклассник отеснил от буфетного столика первоклассника, купил, что нужно, а малыш оказался в конце очереди. Вот работница школьной столовой – женщина преклонного возраста – несет ведро с помоями к яме в дальнем конце двора. Навстречу два десятиклассника – на голову выше тети Маши и значительно сильнее ее. Посторонились, пропустили тетю Машу, боясь, чтобы она не коснулась их одежды грязным ведром, сморщили носы – в ведре не совсем приятные вещи, – побежали к окошку, и уже слышны оттуда их голоса: «А почему нет вымытых мисок?». Ребенок видит, как к буфету подошли две девочки.

Одна купила плитку шоколада, другая – талон на суп. Девочка ест шоколад, ее подруга забыла купить хлеб и снова пошла к буфету. В суматохе будто никто и не видит этого, ребенок не думает над тем, что происходит на его глазах, но ни одно событие не исчезает бесследно, – все, что видят глаза, отражается в детской голове. Вот ребенок уже обратил внимание на необычное событие. Рядом с девочкой, которая забыла купить хлеб, сидит капризный мальчик. Он надулся. Перед ним стакан молока и белый хлеб. Он надкусил и положил кусок на стол, побежал к буфету, купил печенье. А хлеб отодвинул на край стола. Ребенок видит у умывальника грязное полотенце. Хочешь – мой руки, не хочешь – не мой, но потому, что никому не хочется заниматься еще одним делом, никто не моет рук. На окне стоит горшок с розой. В горшок складывают огрызки яблок. Окно засижено мухами. С кухни доносится сердитый голос: мужчина кого-то ругает за то, что не вымыли окна, не побелили стену под умывальником. Все это будто скользит по поверхности сознания ребенка.

Воспитатель озабочен тем, чтобы никто преждевременно не вышел из-за стола. Пообедав, дети встали (им хочется скорее бежать на спортплощадку), по команде воспитателя прокричали: «Спасибо за обед!» (это предусмотрено планом воспитательной работы); слова эти адресованы поварихе и тете Маше, но тем не до благодарности, их как раз отчитывает санитарный инспектор, грозя записать что-то в санитарную книгу. На глазах ребенка проходит жизнь рода человеческого, она по крохотке отражается в его памяти, порой обходя сознание, словно проскакивая в тайники памяти без внимания. Жизнь отражается не только в сознании, но и в подсознании. Память работает автоматически, информация из окружающего мира проникает больше в подсознание, нежели в сознание. Там она не нагромождается в беспорядке, нет, она группируется, систематизируется, давая о себе знать человеческими общественными инстинктами. Если ребенок, съев яблоко и держа в руке огрызок, ищет взглядом, куда выбросить, и, не найдя ящика для мусора, прячет огрызок в карман, – это сработал общественный человеческий инстинкт, который выработался благодаря длительному обогащению подсознания информацией, которая не предназначена специально для воспитания, но воспитывает сильнейшим образом. Без этой информации все добрые наставления отскакивают от ребенка, «как горох от стенки». Из всего, что видел ребенок в течение двадцати минут в школьной столовой, в его подсознании отразилось много хорошего, но отразились и факты, резко расходящиеся с поучениями, которые детям, конечно, часто приходится слышать от воспитателя.

Эти факты опасны в воспитательном отношении именно потому, что на первый взгляд кажутся весьма незначительными. Чем больше в сознании и подсознании ребенка отражается

информации, которая, по сути, противоречит поучениям педагога, тем слабее, бессильнее становится разум как главный страж людского поведения, властитель поступков.

Чем резче диссонанс между предусмотренными, расчитанными способами воспитания и способами непреднамеренными, которые являют собой среду для формирования общественных инстинктов человека, тем труднее воспитывать, тем труднее формировать то, что в практике называется голосом совести. Голос совести – это внутренняя потребность действовать так, как полезно, необходимо, красиво. Он формируется тогда, когда есть гармония предусмотренных и непредусмотренных, расчитанных и нерасчитанных способов воспитания. Голос совести – это сила, которая принуждает ребенка, убедившегося в отсутствии ящика для мусора, спрятать огрызок в карман. Это сила, которая принуждает вежливо отобрать у женщины ведро с помоями, отнести помой в яму, вернуть ведро женщине, не ожидая благодарности за свой поступок. Это, наверное, самое главное.

Совесть немислима без постоянного накопления в подсознании информации, которая содержит в себе благородное поведение человека: любовь к человеку, стремление к взаимопомощи, отвращение и непримиримость к насилию над человеком, долг перед коллективом и обществом, нетерпимость к праздности, лени, дармоедству, глубокое уважение к старым и слабым, сочувствие. Совесть подчиняется сознанию, разуму – «царю в голове», как гласит на родная мудрость. Но никчемный царь, если ему не над кем господствовать, если механическая, логическая, эмоциональная память не обогащается фактами благородного человеческого поведения, которое является многовековым опытом рода человеческого, которое озарено ныне высочайшими достижениями моральной культуры человечества – коммунистическими идеалами, коммунистическим образом морального совершенства человека. Гармония первого и второго источников воспитания требует, чтобы активная деятельность воспитанников направлялась на создание обстоятельств, создание среды, которые усиливали бы действие расчитанных, предусмотренных способов воспитания.

«Человек – не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это мир человека, государство, общество».

Воспитание человека происходит только в среде людей, и от того, насколько глубоко отражаются в этой среде моральные достижения человечества, мир человека, идеи общества и государства, зависит эффективность расчитанных, предусмотренных, целенаправленных усилий воспитателя. Моральная воспитанность состоит, в конце концов, в том, что человек стремится делать добро и не может делать зла. В нашем обществе понятие добро имеет глубокий и многогранный смысл: активная деятельность, направленная на утверждение коммунистических идеалов, самоотверженный труд во имя народа, укрепление могущества, утверждение чести и славы Отчизны, трудолюбие, любовь к людям, честность, правдивость, скромность, непримиримость к злу во всех его проявлениях и особенно к врагам Родины.

Высшим двигателем человеческого поведения является убежденность в том, что это добро – вершина морального богатства. Такая убежденность и является «царем в голове», рожденным мудростью народа, созданным родом человеческим, миром человека. Но мудрость мира человеческого овладевает сознанием только тогда, когда, кроме понимания и логического анализа добра и зла, у человека есть чувство добра и зла, то органическое чувство, которое стало личной совестью, личной точкой зрения. Морально воспитанный человек, увидев женщину с непосильной ношей, почувствует, что рядом происходит что-то недоброе, он почувствует себя гадким, если не поможет женщине.

Голос совести, идущий из глубины сознания и подсознания, сформировавшийся благодаря нагромождению в памяти личности многочисленных фактов из опыта морального утверждения благородных идей, сразу же подскажет разуму: «Смотри! Действуй! Приказывай!» И ум мгновенно отдаст приказ, руки протянутся к ноше, непосильной для женщины. Чем больше я задумывался над перспективностью, направленностью воспитательного процесса в будущее,

тем больше убеждался, что моральная чистота, духовное благородство, красота отношений между людьми в значительной степени зависят от того, насколько, образно говоря, крепка красная нить, которая соединяет детство, отрочество и юность (особенно детство и отрочество), – пору утверждения в юном сердце идей, истин, мыслей, являющихся для личности непоколебимой и безгранично дорогой святыней. Одну из главнейших задач воспитания я усматриваю в том, чтобы видение мира, личное отношение подростка к явлениям окружающей действительности отвечало его внутренним силам, способностям, возможностям. Основой морального воспитания, моральной зрелости подростка является идея Родины. Моральная воспитанность, духовное благородство человека в годы отрочества достигаются тем, что он видит мир через свой долг перед Родиной; самой дорогой для него святыней является честь, слава, могущество и независимость Родины.

То, что входит в сферу повседневного поведения (отношение к людям, помощь слабому, трудолюбие, скромность), определяется отношением человека к святыням народа. Наш школьный коллектив прежде всего заботится о том, чтобы, познавая минувшее и настоящее, жизнь и труд строителей коммунизма, подросток ощущал себя гражданином, чтобы красота человеческая, стремление к которой мы пробуждаем в каждом юном сердце, осмысливалась и переживалась прежде всего как яркая, полноценная, духовно богатая жизнь гражданина.

Гражданские мысли, гражданские убеждения, труд – это и есть та сфера духовной жизни в годы отрочества, которая делается основой благородной, чуткой, требовательной к себе совести – голосу человеческой совести. Чтобы наш подросток дорожил высшими ценностями – святынями народа, он должен уважать в себе гражданина. Гражданская жизнь в годы отрочества это важный раздел воспитательной работы. Я всегда стремился к органическому единству гражданских мыслей, чувств и деятельности, чтобы чувства, переживания находили свое выражение в благородных поступках, в труде для людей, для общества, для Отчизны.

Чрезвычайно тонким инструментом воспитания является похвала за хороший поступок, поощрение добра, приобщение к поведению, которое своей сущностью выражает человеческое благородство.

Похвала учит ребенка, образно говоря, читать книгу элементарной человеческой культуры. Одобрение, высказанное семьей, коллективом, поднимает человека в собственных глазах, утверждает в нем гордость. Но когда ребенку приносят радость только похвалы, тут уже скрывается опасность.

Настоящее мастерство воспитателя заключается в том, чтобы добро делалось без расчета на похвалу. Нельзя без тревоги говорить о том, что в отдельных школах чрезмерно расхваливают детей за поступки, которые должны быть нормой ежедневного поведения (например, нашел мальчик рубль и положил его на стол в учительской – и уже о его честности пишут в стенной газете). Это игра в человечность.

Такой игрой можно привить человеку моральную неряшливость: руки он будет мыть, потому что люди видят руки, ноги же останутся грязными, потому что они спрятаны от людских глаз обувью... Перед людьми он стремится быть порядочным, а наедине – непорядочным. Честность наедине с самим собой как выражение долга перед людьми, перед обществом – это важная моральная черта, которую надо воспитывать в детстве и отрочестве.

Дисциплина и самодисциплина

Соблюдение норм морали, утвердившихся в обществе, коллективе, норм и правил, нарушение которых осуждается общественным мнением и традициями, одна из самых актуальных проблем общественного воспитания. Гармоническое воспитание – это одновременно воспитание дисциплины, ответственности перед коллективом, обществом и перед самим собой – перед собственной совестью. В одном селе Правобережной Украины несколько лет назад произошло

следующее. Жарким летним днем на берегу пруда сидел молодой, полный сил мужчина, ловил рыбу. Неподалеку купался мальчик и вдруг начал тонуть. Он звал на помощь, кричал, плакал, но каменное сердце взрослого, который все это наблюдал, осталось невозмутимым. От этого человека все отвернулись, при встречах обходили, его оставили сын и жена.

Человек познал, что такое осуждение коллектива и одиночество.

Он страдал и не мог найти в себе сил вернуться к людям – покончил жизнь самоубийством. Здесь мы видим, как ответственность перед коллективом сливается с ответственностью перед собственной совестью. Там, где нет ответственности перед коллективом, человек не знает голоса собственной совести. Чувствуя ответственность перед собою, человек острее понимает, переживает нормы и правила, которые ставит перед ним коллектив.

В нашей педагогической работе нелегко найти критерии оценки результатов воспитания и самовоспитания.

Критерий состоит прежде всего в том, какие граждане выходят из школы, каков уровень их политической сознательности, что они утверждают своим трудом и поведением за что и против чего борются, что любят и что ненавидят. Одной из граней гражданского, политического сознания человека является его ответственность перед собственной совестью. Это вместе с тем и один из критериев воспитанности. Если вам удалось достичь того, что ребенку наедине с собою стало стыдно, стыдно, самому перед собою за свой предосудительный поступок, если ребенок жаждет стать лучше, чем он есть, если в его сознании не только живет, но и становится личным убеждением представление о том, что лучше и что хуже, это означает, что вы видите результаты своей воспитательной работы.

Что необходимо для того, чтобы у разума был такой беспокойный, строгий страж, как чуткая совесть? Как практически достигнуть того, чтобы ребенок краснел наедине с собою, чтобы стремление быть лучшим стало одним из сильнейших желаний, которые вдохновляют, облагораживают человека, обогащают взаимоотношения в коллективе? Необходимы добрые, благородные поступки, которые не должны мыслиться и переживаться ребенком как заслуга или право на какие-то особые блага и радости. Обстановка, окружающая ребенка, должна материализовать в себе моральные богатства и ценности, созданные, добытые в борьбе за освобождение человека от социального и духовного угнетения.

В понятие обстановка вкладывается не что-то застывшее и неизменное, а то, что творится, обновляется, усовершенствуется и самими воспитанниками.

Материализация моральных богатств и ценностей означает, что каждый шаг воспитанника, все, что он делает, все, что удовлетворяет его потребности, отражается на других людях – приносит им добро, облегчает их жизнь, делает ее духовно богатой, полноценной.

Внести моральные богатства в отношения между воспитанником и окружающим миром на первый взгляд простое дело, в действительности же – очень сложное. Тут нужна повседневная, кропотливая работа. Самый организованный коллектив превратится в толпу, руководимую инстинктами, если хотя бы на неделю эта работа прекратится. Суть этой интересной и сложной работы в том, что воспитанники постоянно создают вещи, богатства, ценности, обстоятельства, отношения, зависимости, цель, которых радость для людей, благо для людей, красота для людей, счастье для людей и лишь потому-радость для себя, благо для себя, красота для себя, счастье для себя. Никакое добро не накопится, не утвердится в сознании человека, если он сам не причастен к нему. Жизнь тысячу раз убеждает в том, что подготовка ребенка к отрочеству и юности невозможна без труда, но труд должен быть особенным – таким, который материализует тончайшие движения души. Вот почему в первой части моей книги так много говорилось об уголках красоты, о цветах, винограде, плодовых деревьях, саде для людей. Я стремился, чтобы, создавая радость, благо, красоту, счастье для других и на основе этого – для себя, каждый переживал глубоко индивидуальное чувство радости творца, доводил его до вдохновения. Материализация благородства, моральной красоты в труде, во взаимоотноше-

ниях между членами коллектива – один из важнейших корней того дерева, которое мы называем гражданством. Очень важно, чтобы этот корень шел глубоко в детство. Вдохновение приходит к ребенку тогда, когда вещь, не принадлежащая ему лично, становится для него дорогой – неизмеримо дороже, чем то, что принадлежит ему лично. Эти сложные движения души никогда не воспитаешь, если начнешь воспитывать их в отрочестве. Я считал своих учеников готовыми переступить границу, отделяющую детство от отрочества, готовыми потому, что каждый из них не раз пережил боль, тревогу, волнение, когда вещам, ценностям, богатству, созданным для радости и благополучия людей, что-то угрожало или кто-то портил их.

В годы отрочества человек не способен впервые пережить эти чувства, если в детстве он не увидел самого себя. Чем глубже в душу ребенка вошли тревоги, волнения, заботы о благе, счастье, красоте, радости для людей, общества, тем тоньше его эмоциональная чуткость к собственному поведению.

Вот тут и соединятся первый и второй источники моральной воспитанности.

Если человек не чувствует, что вокруг него и в нем самом лучшее, а что – худшее, если он не стремится стать лучше, чем он есть, – он глух к самым верным и эмоционально выразительным поучениям, советам воспитателя, отца, мудрой книги.

Эмоциональная самооценка – это почва, на которой хорошо прорастают зерна моральных поучений. Если школьную жизнь наполнить материализацией моральных богатств и ценностей в человеческих отношениях, ребенок будет видеть себя глазами других людей.

У него откроются глаза и уши на то, что он видит и слышит. Моральные поучения для него не абстрактные вещи, а истины, касающиеся непосредственно его самого.

Ему становится стыдно самого себя, наедине с собою, потому что он чувствует, представляет, переживает, что подумают об его предосудительном поступке (или даже о предосудительном намерении, мысли) другие люди. Он наедине с самим собою, с глазу на глаз со своей совестью, но он не может обособиться от мира человека – от коллектива, общества.

Он не думает о том, видит или не видит кто-нибудь, как он помогает бабушке или защищает девочку от обидчика, – он органически не может не сделать этого, это его глубоко личная потребность, как глубоко личной потребностью стало для него заботиться о саде роз, выращенном для радости людей, беспокоиться о винограднике, который стал для его маленьких друзей-дошкольников своеобразным детским садиком. Особенно большое значение имеет материализация моральных богатств и ценностей в человеческих отношениях на грани детства и отрочества.

Природа подросткового возраста таит в себе некоторые трудности, сложности, противоречия, на которых мы остановимся ниже. Подростковый возраст – это новая, особенная ступенька на пути к моральной зрелости. Когда человек приближается к границе, которая отделяет детство от отрочества, он должен видеть себя, как в зеркале, в созданных собственными руками ценностях, в которые вложена частица собственного сердца – любовь к людям, вдохновение трудом.

Пусть это будет плодовое дерево или маленький виноградник, куст роз или куст сирени ребенок измеряет мир своею мерой. Важно в конце концов то, чтобы маленький человек испытывал гордость за себя. Лишь при этом условии у него будет желание стать лучше. А это желание – основа гражданской совести.

Духовный мир человека нашего времени и методы воспитания в детстве и отрочестве

Известный советский психиатр профессор В. М. Баншиков писал: «На протяжении тысячелетий выигрыш в борьбе человека за существование определялся мускульной силой и такими грубыми свойствами нервной системы, как смелость, жестокость, упорство. А в

последние два-три столетия жизнеспособность человека зависит исключительно от тончайших и сложнейших механизмов нервной системы. Эти же механизмы как раз наиболее уязвимы!».

Эта мысль ученого помогает понять особенности процесса влияния воспитателя на воспитанника в наши дни. Взаимоотношения между миром и человеком делаются чем дальше, тем сложнее. Система мир-человек-мир в социалистическом обществе характеризуется возрастанием роли личности во всех сферах общественной жизни. То обстоятельство, что наука становится непосредственной продуктивной силой общества, в котором высшая цель – человек, глубоко и многогранно отражается в духовном мире личности и коллектива. Человек не просто становится творцом материальных и духовных благ. Он своим творческим трудом во имя счастья, блага, радости общества и самого себя, возвеличивая свое общество, возвеличивает тем самым и себя. Творческая деятельность становится для человека потребностью, удовлетворение которой приносит высшее наслаждение. «Опыт жизни людей – от гениев до самых скромных тружеников показывает, – пишет академик Н. Н. Семенов, – что наслаждение творчеством в труде или в других проявлениях жизни – самое высокое наслаждение...

Главное для создания счастливой жизни человечества в том, чтобы духовная творческая деятельность в той или иной мере стала присущей каждому». Цель и содержание воспитательной работы состоит в том, чтобы многогранное удовлетворение потребности в творческой деятельности переживалось как моральное достоинство, чтобы, работая для общества, человек уже в годы отрочества и ранней юности ощущал свою гражданскую активность.

В нашем обществе мир личной жизни открывается перед человеком, как проявление, развитие задатков, способностей, склонностей, призвания.

Творческий труд, изобретательность, интеллектуальное богатство трудовой жизни, постоянное стремление человека к овладению все новыми и новыми знаниями – все это стало в нашем обществе ярким показателем гражданского достоинства человека. Все глубже осмысливается и переживается та истина, что коллективный труд является прежде всего духовным общением, в котором происходит взаимный обмен духовными богатствами.

Та игра физических и умственных сил, о которой писал К. Маркс, входит в повседневную жизнь современного человека как проявление его индивидуальности. Субъективно эта игра переживается как соревнование творческих способностей, в котором человеку хочется быть первым, хочется стать лучше, красивее других. Все шире становится сфера духовной жизни личности, не связанная непосредственно с трудом, с материальным производством. Важнейшей из потребностей этого рода является потребность в человеке. Труженик всегда ощущает, говоря словами Маркса, «потребность в том величайшем богатстве, каким является другой человек».

Расцвет личности в нашем обществе привел к утверждению этой многогранной потребности как основы личного счастья. Без удовлетворения этой потребности человек не мог бы раскрывать себя как друг, товарищ и брат другого человека. Всестороннее развитие человека, глубокое осознание им своей общественной роли, многогранность его потребностей, интересов, взаимоотношений – все это привело к обогащению и развитию чувств гражданина социалистического общества. Эмоциональная жизнь, по словам Маркса, является одним из ярчайших проявлений мира человека.³ Чем шире сфера общественной деятельности человека, чем многограннее его потребности и интересы, чем больше творчества в его труде, чем ярче в его взаимоотношениях выражается благородство норм коммунистической морали, тем большую роль в его жизни играет культура чувств, тем теснее связь эмоциональной жизни с гражданской деятельностью, поведением, личной жизнью.

Культура чувств становится особой сферой духовной жизни человека. Богатство эмоциональной жизни далеко не всегда находится в прямой зависимости от умственного развития, образованности, знаний.

Гармония образованности и эмоциональной культуры – одна из тончайших задач воспитательной работы в современной советской школе. Отставание культуры чувств от интеллектуального «груза» – большое зло, которое часто является причиной того, что некоторые молодые люди, подростки становятся на неправильный путь поведения. Если глубоко вдуматься в суть этого поведения, станет ясно, что так называемые пережитки прошлого в сознании нашего человека – это, по сути, нарушение гармонии интеллектуальной жизни и эмоциональной культуры. В одних случаях это связано с убогим, ограниченным кругом умственных интересов, в других – с дремучим бескультурьем «образованного» человека. Особенности духовной жизни современного советского человека заставляют задуматься над сущностью и методами воспитания. Среди учителей часто можно слышать жалобы: «Трудно воспитывать человека в наше время, особенно подростков. Трудно потому, что, кроме школы, из других источников они добывают много знаний, все это нужно осмыслить, «переварить»».

Трудно воспитывать подростков еще и потому, что несравненно обострилось их внимание к собственному духовному миру». А может, эти факторы нужно сделать союзником воспитателя? Подросток способен много познавать. Следовательно, нужно использовать эту особенность духовной жизни так, чтобы познание окружающего мира становилось вместе с тем и моральным развитием. Эффективность воспитания подростков в значительной мере зависит от того, что они знают о человеке, как эти знания превращаются в убеждения, как убеждения утверждаются в деятельности. Переживание чувства собственного достоинства, вытекающее из самой социальной основы нашего общества, является для личности как бы лучом, направленным в собственную душу. Нужно, чтобы он никогда не угасал. Это возлагает на воспитателя большую ответственность, требует от него исключительного мастерства в сфере человековедения.

От воспитателя сейчас требуется не только чуткость и внимательность, а умение разбираться во взглядах каждого человека на собственный духовный мир. Поэтому совершенно необходимо, чтобы взгляды эти были и чтобы они были правильными, высокоидейными.

Годы и годы потребовались мне для понимания того, как побудить подростка подумать о себе, задуматься над собственной судьбой. Без уважения к самому себе нет моральной чистоты и духовного богатства личности. Наш важнейший педагогический инструмент – умение глубоко уважать человеческую личность в своем воспитаннике. Мы этим инструментом призваны творить очень нежную, тонкую вещь: желание быть хорошим, стать сегодня лучше, чем был вчера. Это желание не возникает само по себе, его можно только воспитать. Самый характер, социальные основы нашего общества требуют, чтобы главной связующей нитью воспитателя и воспитанника были искренние желания: стать лучше и желание педагога видеть воспитанника лучшим, чем он есть сейчас. Уважение к личности воспитанника – это главнейшая предпосылка требовательности коллектива и педагога к человеку, предпосылка настоящей, коммунистической дисциплины, которая невозможна без умения человека заставить самого себя делать как раз то, что необходимо и полезно обществу. Воспитать чувство собственного достоинства, чести, уважения к самому себе можно лишь тогда, когда человек ощущает, чувствует себя хозяином в своем собственном духовном мире, когда в нем есть определенная граница, которую никто не имеет права переступить. Как-то ко мне пришла мать шестиклассницы Зины и поделилась своей тайной. Последнее время в семье стало очень напряженно; отец ведет себя не так, как должно. Зина это тяжело переживает, но больше всего она боится, что кто-то узнает о недостойном поведении отца. Мать просила: «Помогите, поддержите девочку, но свято берегите тайну...»

Да, учителю часто приходится быть хирургом. Касаться самых больных мест так, чтобы человек не знал об этом. Как помочь девочке? Сколько раз складывались такие обстоятельства, что мы вдвоем были увлечены работой. Я рассказывал о морально стойких, мужественных, гордых, красивых душою людях. Главное, к чему я стремился, чтобы девочка не примирилась

со злом, не закрыла на него глаза. Даже если не будет иных способов борьбы, пусть разовьется в ней непримиримость и ненависть к злу. Я получил большую радость от того, что в глазах девочки светилась гордость за те красивые чувства, которые она берегла и укрепляла в себе. Это были беседы с глазу на глаз человека с человеком. Многолетний опыт убеждает в том, что в годы отрочества это так же необходимо, как и влияние коллектива на духовный мир личности. Беречь интимность, неприкосновенность духовного мира подростка – одна из важнейших задач воспитания. Если кто-то посторонний вмешивается буквально во все, о чем думает, что переживает подросток, что он хочет уберечь от постороннего взгляда, – это притупляет эмоциональную чуткость, огрубляет душу, воспитывает «толстокожесть», которая в конце концов приводит к эмоциональному невежеству.

Обнажение самых чувствительных уголков сердца, стремление «задеть» подростка «за живое», «потрясти», «ошеломить» разно образными сильными, волевыми способами влияния – это признаки элементарного педагогического бескультурья. Если хотите, что бы подросток пришел к вам за помощью, открыл вам свою душу, – берегите именно те уголки его души, прикосновение к которым воспринимается болезненно. Гражданская стойкость, мужество, настойчивость, которые мы, педагоги, призваны воспитывать в человеке с первых шагов его самостоятельной жизни, в значительной степени зависят от того, как развиваются и крепнут волевые силы ребенка, как человек выражает себя в самостоятельных поступках в годы детства и отрочества – в поступках, которые утверждают моральное достоинство и волевою независимость. Уважение к личности воспитанника закономерно ведет к расширению сферы личного, интимного, неприкосновенного.

Логика духовной жизни современного человека требует того, чтобы в эту сферу включалось все, что связано с взаимоотношениями ребенка, подростка, юноши и родителей. Духовно-психологические и морально-этические отношения в семье становятся в наши дни все тоньше, все богаче. К сожалению, бывает, что немало вопросов и предложений, которые педагоги ставят своим воспитанникам, если внимательно в них вдуматься, часто требуют обнажения личного, интимного, «вывертывания» души. Чуткий к собственному духовному миру маленький человек иногда воспринимает замечание как оскорбление не только себя, но и матери, отца. Бывает, случайно брошенное слово порождает в юной душе такое глубокое смятение, что воспитанник всю жизнь не может забыть обиды, тогда как воспитатель ничего не заметил. . . Одна учительница спросила пятиклассника, смотрела ли мать его дневник в прошлую субботу. «Нет, не смотрела», – ответил мальчик. «А-а-а, ей некогда смотреть твой дневник, это я знаю. . .» – заметила учительница, и в словах ее было столько иронии, что на глазах у мальчика выступили слезы. Мальчик догадался, что до учительницы дошли слухи, распространяемые о его маме нехорошими людьми: будто она ведет себя легкомысленно. Почувствовав, что вложила учительница в свои слова, мальчик замкнулся.

Его душа стала жестокой. Он нарочно делал учительнице одну неприятность за другой. До самого окончания школы он не мог забыть обиды. Еще тревожнее было в другой школе: одноклассники говорили девочке, что отец ее «такой-сякой», а девочке было безразлично. Это просто страшно: у ребенка притупилось чувство собственного достоинства. Иногда на родительских собраниях обсуждают то, о чем можно говорить лишь наедине с родителями.

Это приводит к огрублению эмоциональной сферы не только родителей, но и детей, потому что все приобретенное матерью и отцом неприметно, по капле передается детям. Томас Манн сказал однажды, что человек стоит между зверем и ангелом. Кем он станет – это зависит от воспитания. Опасность приблизиться к зверю и отдалиться от ангела больше всего грозит человеку там, где не облагораживается его половой инстинкт. Вся многогранность мира человека облагораживает человеческий инстинкт продолжения рода, но необходим еще и специальный комплекс способов облагораживания «голоса крови». В этом комплексе, на мой взгляд, главнейшими являются две вещи, без которых невозможно полноценное воспитание подростка

ков: культ матери и целомудрие. Я всегда стремился к тому, чтобы имя матери стало святыней для каждого воспитанника. От матери человек берет все прекрасное и самое чистое; особенно велико влияние духовного богатства матери на сына, дочку в годы отрочества и ранней юности. Я стремился, чтобы каждый мой воспитанник в эти годы отдавал много духовных сил во имя счастья и блага матери, творил ей радость. У маленького Данька были какие-то странные отношения с матерью. Меня тревожило холодное равнодушие, с которым мальчик встречал известие о том, что после трехдневной работы на далеком полевом стане мама вернулась домой. Мать же не умела пробудить в душе сына волнения, тревоги, заботы. Эмоциональные отношения в семье – это особенно тревожило меня – были весьма примитивны. Как их облагородить, обогатить, как предотвратить, чтобы мальчик не вырос черствым, равнодушным человеком, чтобы он был готов к пробуждению юношеского чувства любви к девушке? Началась длительная, кропотливая работа. Ее можно назвать осторожными прикосновениями к сердцам – и материнскому, и сыновнему. Создавались такие обстоятельства, чтобы сын вкладывал свои духовные силы в материнскую радость. Вот он работает летом в колхозе, я советую: «Купи маме подарок на первый свой заработок». Парнишка с радостью покупает шелковый платок, приносит его матери. А через несколько недель день рождения матери. «Не только преподнеси ей в этот день подарок, но и замени на работе – пусть мать отдохнет несколько дней, а ты поработай за нее на животноводческой ферме». Добро – великая сила, которая пробуждает в сердце чистые, благородные чувства. Холодное равнодушие, которое волновало меня в отношениях Данька с матерью, постепенно сменилось лаской, взаимной готовностью сделать что-то хорошее для дорогого человека. Каждый новый год работы в школе все больше убеждал меня, какое огромное значение имеет то, чтобы сын в сложный период отрочества открывал, познавал в матери любовь и человеческое достоинство, честность и непримиримость к злу. Настоящим гражданином, стойким борцом за высокие идеалы становится только человек, который в годы детства и отрочества овладел высоким искусством человечности – научился быть преданным сыном, преданной дочерью своих родителей. Преданность – не безмолвная покорность, а облагораживающие взаимоотношения в семье, творение радостей для матери и отца. Целомудрие – моральная предпосылка чистой, благородной любви. Кое-кто считает (это отражается и на практике воспитания), что в период полового созревания все будет хорошо, если объяснять мальчикам и девочкам все, что с ними происходит. И объясняют, толкуют, обсуждают, организуют диспуты, публикуют в молодежных газетах открытые письма четырнадцати-пятнадцатилетних девочек («Как найти друга жизни?», «Правильно ли я поступила, объяснившись парню в любви?»). О любви и дружбе часто говорят на комсомольских собраниях (а в комсомол принимают с 14 лет) и на пионерском собрании таким же деловым тоном, как о сборе металлолома. Все это вносит примитивизм в духовно-психологические и морально-эстетические отношения между подростками, вульгаризует чистое и высокое, сеет зерна равнодушия в юных сердцах. Ошибки и недочеты в половом воспитании огрубляют не только эту сферу человеческих отношений – они оставляют грубый рубец на сердце, оставляют боль, обиду. Благородство во взаимоотношениях между юношей и девушкой, мужчиной и женщиной – это дерево, которое зеленеет только тогда, когда его красота питается глубокими корнями человеческого достоинства, чести, уважения к людям и к самому себе, непримиримости к злу, грязи, унижению человеческого достоинства. Мастерство воспитания в том и состоит, чтобы на всей долгой дороге человеческого утверждения – от первого дня, когда ребенок переступил порог школы, до первой мысли о самостоятельной жизни – воспитанник никогда не испытал оскорбления человеческого достоинства, чтобы стремление утвердить собственную честь и достоинство было важнейшим стимулом к нравственному совершенствованию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.